

Эрнест Сетон-Томпсон

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
РОЛЬФА

ИДДК

Эрнест Сетон-Томпсон
Приключения Рольфа

«ИДДК»

1911

Сетон-Томпсон Э.

Приключения Рольфа / Э. Сетон-Томпсон — «ИДДК», 1911

«Приключения Рольфа» – повесть канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона, жанр детская литература, приключения. История мальчика, который волею случая был воспитан индейцем и стал замечательным охотником и следопытом.

© Сетон-Томпсон Э., 1911

© ИДДК, 1911

Содержание

Глава 1. Вигвам под скалой	6
Глава 2. Рольф Киттеринг и его дядя солдат	8
Глава 3. Рольф ловит енота и находит друга	10
Глава 4. Охота на енота приносит Рольфу много неприятностей	12
Глава 5. Рольф уходит от дяди	14
Глава 6. Скукум признаёт Рольфа	15
Глава 7. Воспоминания и том-том индейца	17
Глава 8. Лук лучше ружья	19
Глава 9. Задуманный Рольфом план приносит хорошие результаты	22
Глава 10. Гроза и добывание огня	24
Глава 11. Охота на сурков	26
Глава 12. Битва с водяным демоном	28
Глава 13. Хортон появляется на скале	31
Глава 14. В северные леса	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эрнест Сетон-Томпсон Приключения Рольфа

© ИДК

* * *

Глава 1. Вигвам под скалой

Было утро ранней весны, и солнце близилось уже к горизонту, когда Куонеб, последний из рода Мианос-Сайневе, вышел из своего вигвама, стоявшего под защитой скал, которые окаймляли восточную окраину Эземука. Поднявшись на самую верхушку огромного утёса, он молча остановился в ожидании, когда над полосой моря между Коннектикутом и Сионеки блеснут первые лучи восходящего солнца.

Безмолвную молитву Великому Духу он кончил в тот момент, когда золотистые лучи сверкнули из-за гряды облаков, висевших на горизонте у самого моря. И Куонеб запел индийский гимн восходящему солнцу, воззвание Дневному Богу.

О, ты, восстань из облаков,
Пролей на всё живительный свой свет!
Привет тебе и поклоненье!

И он всё пел и пел, ударяя в маленький том-том¹ и повторяя гимн до тех пор, пока из-за облаков не всплыло великое светило, совершилось ослепительное чудо восходящего солнца.

Тогда краснокожий вернулся назад в свой вигвам, приютившийся под защитой утёса, и, вымыв руки в чашке из липового дерева, начал готовить свой незатейливый завтрак.

Над огнём висел наполненный водой медный вылуженный котелок; когда вода закипела, индеец бросил туда горсть молотой кукурузы и несколько слизняков из двустворчатых ракушек. Пока варился завтрак, он взял ружьё, осторожно перебрался через скалистую вершину, защищавшую его вигвам от северо-западного ветра, и зоркими, как у сокола, глазами окинул обширный пруд, образовавшийся благодаря бобровой плотине в маленькой долине Эземука-Брук.

Пруд до сих пор ещё был покрыт зимним льдом, и только в более тёплых, мелководных местах виднелась уже вода, на которой могли оказаться утки. Но уток не оказалось; зато у окраины льда виднелся какой-то предмет, в котором индеец, несмотря на отдалённость его, признал мускусную крысу.

Пробираясь ползком кругом пруда, индеец скоро очутился на расстоянии выстрела от мускусной крысы, но вдруг раздумал стрелять и вернулся к себе в вигвам, чтобы переменить ружьё на оружие своих отцов, то есть на лук, стрелы и длинную верёвку. Несколько быстрых шагов – и он снова очутился в тридцати футах от мускусной крысы. Свернув верёвку кольцом, он положил её на землю, один конец её привязал к стреле и натянул лук... Ззз!.. стрела полетела, потянула верёвку, разворачивая её кольцо за кольцом, и вонзилась в тело мускусной крысы. Всплеск воды – и животное скользнуло под лёд.

Но другой конец верёвки был уже в руках охотника; ему достаточно было слегка потянуть, и мускусная крыса показалась из воды. Индеец убил её палкой и вытащил из пруда. Если бы он застрелил её из ружья, добыча его пропала бы безвозвратно.

Вернувшись домой, он съел свой скромный завтрак и накормил небольшую, похожую на волка, рыжую собаку, привязанную тут же внутри вигвама. Затем он осторожно стал снимать шкуру с убитой мускусной крысы; надрезав её аккуратно на задней части туловища и постепенно выворачивая наизнанку, он стянул шкуру, как перчатку, вплоть до самой морды, после чего растянул её на палке, чтобы она сохла на ней до тех пор, пока не сделается годной для продажи. Тело животного он выпотрошил и повесил в тени, себе на обед.

¹ Том-том – музыкальный инструмент в виде бубна. Здесь и далее примечания переводчика.

В то время, как он работал, в лесу послышались вдруг чьи-то шаги, и оттуда, пробираясь среди кустарников, вышел человек, высокого роста, с грубыми чертами лица, красным носом и закрученными кверху седыми усами. Увидя индейца, он остановился, взглянул с презрением на убитую им дичь и, пробормотав какое-то замечание относительно "крысоедов", направился к вигваму с очевидным намерением войти туда, но медленно и отчётливо произнесённое индейцем "проваливай!" заставило его изменить свои планы. Он проворчал что-то о "медно-красных бродягах" и повернул к ближайшей ферме.

Глава 2. Рольф Киттеринг и его дядя солдат

Был "вороний месяц" – март у белых. Приближался "травяной месяц", и по направлению от морского берега неслись уже к северу клинообразные стаи журавлей, радостно возвещавшие сверху, что "голодный месяц" прошёл, и весна не только близится, но уже водворилась на земле. На высоком сухом сучке клохтал глухарь, в лесу барабанил пёстрый дятел, куропатка кричала где-то в соснах, а в небе шумели крыльями и кричали дикие утки. Что удивительного после этого, если душа индейца тоже стремилась выразить свои чувства в песнях своего племени?

И вот Куонеб, вспомнив вдруг о чём-то, направился к югу вдоль горного хребта до того места, где тот расступался, пропуская протекавшую там реку, затем вдоль окраины Стрикленд-Плена поднялся на каменистый холм и там, как и всегда, нашёл голубоглазый, улыбающийся цветок жизни, первый цветок весны. Он не сорвал цветка, а сел и стал смотреть на него. Он не смеялся, не пел, не говорил и не давал ему нежных названий: он только сидел и не спускал с него глаз... Он пришёл сюда, уверенный, что найдёт его здесь. Кто решится сказать, что душа индейца не прониклась его красотой?

Он вынул трубку и мешок для табака, тут же вспомнил, чего ему не хватает, – мешок был пуст. Он вернулся к себе в вигвам, снял с подвешенной вверху полки растянутые на ней шкуры – семь шкурок мускусных крыс и одну шкурку выдры – и направился по тропинке, которая вела к югу, к обширной открытой равнине, известной под названием Стрикленд-Плена. Пройдя последнюю, он перебрался через следующий скалистый хребет и вошёл в маленький портовый городок Мианос.

«Сила Пек Торговый склад» – значилось на вывеске той двери, куда он вошёл. Мужчины и женщины продавали здесь и покупали. Индеец стал скромно в стороне и ждал, пока все были удовлетворены, и мистер Пек крикнул ему:

– А, Куонеб! С чем пришёл сегодня?

Куонеб развернул принесённые шкурки. Торговец осмотрел их внимательно и сказал:

– Опоздал... к весеннему сезону. Я не могу дать больше семи центов за каждую крысу и семидесяти пяти – за выдру.

Индеец собрал шкурки с таким решительным видом, что Сила поспешил сказать:

– Слушай, я дам по десяти за мускусную крысу.

– Десять за крысу и доллар за выдру, вот и всё, и товар, какой мне понравится, – был ответ.

Сила был очень заинтересован в том, чтобы посетитель его не перешёл на другую сторону улицы, где была вывеска:

«Сила Мид Торговый склад»

Сделка состоялась, и индеец ушёл, унося с собой запас табаку, чаю и сахару.

Он пошёл вверх по реке Мианос, на берегу которой он расставил несколько капканов для мускусных крыс, опасаясь в то же время, что их украдут или унесут охотники, которые считали эту ловлю нарушением своих прав собственности.

Час спустя он был уже у Демилингского пруда и отсюда повернул к своему вигваму. Он шёл напрямик лесом, пока не дошёл до Кетрокской дороги; по ней он добрался до фермы и ветхого дома Микки Киттеринга. Он слышал, что хозяин фермы продаёт свежую оленью шкуру, и хотел купить её. Когда он подходил к дому, из сарая вышел Микки. Они сразу узнали друг друга. Этого было достаточно Куонебу, чтобы свернуть в сторону. Фермер вспомнил, что был "оскорблён". Он выкрикнул несколько проклятий и бросился за индейцем. "Чтобы спустить с него шкуру!" – это было его вполне определённым желанием. Индеец повернулся к нему и, не двигаясь с места, спокойно посмотрел на него.

Есть люди, которые не понимают различия между робостью и трусостью, и только какой-нибудь неожиданный случай даёт им возможность понять эту разницу. Какое-то смутное чувство подсказало белому человеку: "Берегись! Этот краснокожий – опасный человек", – и он пробормотал:

– Уходи прочь отсюда, или я пошлю за констеблем.

Но индеец не трогался с места и не спускал глаз с фермера, пока тот не ушёл, и только тогда продолжил свой путь к лесу.

Нрав у Киттеринга был неприятный. Он хвастался тем, что служил солдатом. До некоторой степени он, пожалуй, походил на солдата: густые седые усы торчали, точно рога, кверху по обе стороны его красного носа на красном лице, и придавали ему крайне воинственный вид. Плечи у него были широкие, поступь важная, а в распоряжении его вдобавок был целый набор самых отборных выражений, которые были новы и производили поэтому сильное впечатление в Коннектикуте. Он женился поздно на женщине, которая была бы ему хорошей женой, дай он ей на это возможность. Но он был пьяница и задался мыслью переделать её на свой лад. Старания его увенчались плачевным успехом. Детей у них не было, но к ним явился сын его брата, пятнадцатилетний мальчик; если бы они обращались с ним хорошо, он стал бы благословением их дома. Но Микки зашёл слишком далеко. Природное добродушие его потонуло в спиртных напитках. Хвастливый и ограниченный, он делил людей на две части: на лиц высшего разряда, перед которыми он пресмыкался, и на людей низшего разряда, с которыми он становился крикливым, злоязычным, нахальным грубияном, за исключением проблесков доброты в те редкие минуты, когда он не был пьян или не мучился желанием снова напиться. Сын его брата не унаследовал, к счастью, наклонностей со стороны семьи отца и походил на свою мать, дочь учёного духовного лица, который положил все силы, чтобы дать ей образование, но оставил её без гроша, неспособной к улучшению своего материального положения.

Рольф рано лишился отца, а когда ему исполнилось пятнадцать лет, умерла его мать, которую он очень любил.

Рольф остался один на свете. Он прошёл только начальную школу, ничего не читал, кроме Библии и "Робинзона Крузо", имел смутное сознание, что Бог везде, и питал недоверие к тем, которые могли быть его близкими.

В день похорон матери он покинул селение Риддинг и направился по незнакомой дороге к югу, где у его дяди Микаэля была ферма, и где он надеялся найти приют.

В этот день он прошёл пятнадцать миль, ночевал на гумне, а на следующий день сделал двадцать пять миль и добрался до своего будущего дома.

– Войди, мальчик, – сказали ему довольно дружелюбно: приход его совпал по счастливой случайности с полосой хорошего настроения духа, да к тому же он, пятнадцатилетний юноша, являлся подспорьем для фермы.

Глава 3. Рольф ловит енота и находит друга

Тётушка Пру, быстроглазая и красноносая, вела себя сначала очень сдержанно, но церемонии с её стороны сразу прекратились, когда Рольф прошёл все тайны кормления свиней, кур, телят, доения коров и множество других занятий, знакомых ему с детства. И чего только он ни делал! Всякий посторонний наблюдатель сразу приходил к тому заключению, что тётушка Пру освобождала себя решительно от всяких трудов, сваливая всё на Рольфа. Он работал без отдыха, стараясь делать всё хорошо, но скоро увидел, что, несмотря на все старания, никогда не дожждётся похвалы и ничего, кроме побоев, не получит. Проблески доброты редко появлялись в сердце его дяди, а тётка его оказалась сварливой пьяницей, и те дни, когда Рольф голодал со своей матерью и переносил лишения, казались ему теперь днями невозвратного счастливого детства.

К вечеру он так уставал, а утром ему так хотелось спать, что он не в состоянии был читать обычных молитв и мало-помалу совсем отвык от этой привычки. Чем больше присматривался он к своим родственникам, тем больше порочных наклонностей находил у них. Как возмутился он, когда в один прекрасный день понял, что куры, которых дядя его приносил откуда-то ночью, попадали сюда без ведома и согласия их владельцев. Микки поспешил обратить всё это в шутку и только как бы невзначай сказал Рольфу, что ему следует скорее начать работать по ночам. Слова эти были для Рольфа одним из многих указаний на то, в какое нехорошее место попал он, бедный сирота.

Доблестный дядя не сразу уяснил себе, должен ли он смотреть на молчаливого мальчика, как на лицо высшего разряда, которого следует бояться, или низшего, которое следует держать в страхе. Но убедившись в покорности Рольфа, Микки расхрабрился и всё чаще и чаще стал наносить ему побои; Рольф переносил последние легче, чем постоянные придирки и воркотню тётки. И вот всё хорошее, что было посеяно в душе его покойной матерью, стало мало-помалу колебаться под влиянием такой ужасной обстановки.

Рольфу до сих пор не удавалось найти себе товарищей среди деревенских мальчиков; случай натолкнул его на неожиданного друга.

Однажды весной он встал до восхода солнца и погнал корову в лес. Он встретил незнакомого человека и очень удивился, когда тот подозвал его. Подойдя к нему ближе, он увидел, что это человек высокого роста, с тёмной кожей и чёрными прямыми волосами с проседью... индеец, без сомнения. Незнакомец протянул ему мешок и сказал:

– Я загнал енота в это дупло. Подержи мешок, а я вгоню его туда.

Рольф охотно согласился на это и подержал мешок у дупла, а индеец вскарабкался по дереву до второго отверстия повыше и, просунув палку в дупло, пошевелил ею там несколько раз. В дупле послышалось царапанье, и мешок вдруг наполнился и сделался тяжелее. Рольф с торжествующим видом поспешил завязать его. Индеец усмехнулся и спрыгнул на землю.

– А теперь что будешь делать с ним? – спросил Рольф.

– Учить собаку, – был ответ.

– Где?

Индеец указал в сторону Эземукского пруда.

– Так ты, значит, тот певец-индеец, который живёт под Эбской скалой?

– Да. Некоторые называют меня так. Настоящее моё имя Куонеб.

– погоди часок, я вернусь и помогу тебе, – сказал Рольф, в котором сразу проснулся врождённый охотничий инстинкт.

Индеец кивнул головой в знак согласия.

– Крикни раза три, если не сразу найдёшь меня, – сказал он, перекидывая через плечо палку, на конце которой и на приличном расстоянии от его спины висел мешок с енотом.

Рольф погнал корову домой.

Он предложил свои услуги индейцу под влиянием внезапно охватившего его увлечения, но, как только вернулся к обычной суетливой обстановке дома, сразу почувствовал, как трудно будет ему вырваться оттуда. Долго ломал он себе голову над тем, какой предлог выдумать, чтобы отлучиться, и наконец остановился на двух поговорках: "Если не знаешь, как тебе поступить, не поступай вовсе" или "Если не можешь добиться чего-нибудь деликатным способом, иди напролом".

Он накормил лошадей, вычистил конюшню, подоил корову, накормил свиней, кур, телят, запряг лошадь, наколот дров и свёз в дровяной сарай, выпустил овцу, привязал лошадей к телеге, процедил молоко в крынки, подсыпал побольше кукурузы в кадку для корма свиньям, помог вымыть посуду после завтрака, исправил изгородь, принёс картофелю из подвала, работая всё время под аккомпанемент сварливого языка тётки. Кончив всё это, он погнал опять корову в лес с твёрдым решением вернуться поскорее.

Глава 4. Охота на енота приносит Рольфу много неприятностей

Не час, а целых три часа прошло, пока Рольф добрался до Пайпетевского пруда. Он никогда ещё не был в этом месте; громко и отрывисто крикнул он три раза, как это было условлено раньше, и тотчас же получил ответ и указание, куда идти. Куонеб стоял на верхушке утёса. Увидя Рольфа, он провёл его к южной стороне вигвама. Рольфу представилось, что он вступает в новую жизнь. Некоторые из прежних соседей его в Риддинге, хорошо знавшие индейцев, много рассказывали ему о замечательном искусстве краснокожих в стрельбе из лука. Сам Рольф два раза встречался с проходившими мимо индейцами и до отвращения бывал поражён их грязным, нищенским видом. И вот здесь, в вигваме, он увидел нечто другое; идеального ничего не было, ибо по одежде своей индеец походил на бедного фермера, кроме головы и ног: голова у него была обнажена, а на ногах были надеты мокасины, украшенные бусами. Покрыт вигвам был парусиной с нарисованными на ней священными символами. Над огнём висел медный котелок продолговатой формы, какие изготавливаются в Англии для продажи индейцам, а тарелки были сделаны из берёзовой коры и липового дерева. Ружьё и охотничий нож были произведениями рук бледнолицых, зато лук, стрелы, лыжи, том-том и футляр для ружья из кожи дикобраза были сделаны, очевидно, самим индейцем из материала, добытого им в лесу.

Индеец провёл Рольфа к себе в вигвам. Собака, почти ещё щенок, сердито заворчала, почувствовав ненавистный запах бледнолицего. Куонеб слегка ударил щенка по голове, что значило по-индейски: "Успокойся, всё хорошо". Отвязав затем собаку, он вывел её из вигвама.

– Снеси это, – сказал индеец Рольфу, указывая на мешок, висевший на палке между двумя деревьями.

Собака подозрительно повела носом в сторону мешка и заворчала; ей не позволили подходить к нему близко. Рольф попробовал подружиться с собакой, но безуспешно, и Куонеб сказал ему:

– Оставь Скукума² в покое; он подружится сам, когда захочет... может и никогда.

Охотники вышли на открытую равнину, которая находилась на двести-триста ярдов дальше к югу. Здесь они выпустили из мешка енота, удерживая собаку на приличном от него расстоянии до тех пор, пока енот, собравшись с духом, не пустился бежать. Тогда собаку спустили с привязи, и она с громким лаем бросилась к еноту, который так хватил её зубами, что она с визгом отскочила назад. Енот нёсся вперёд изо всех сил, а по следам его – собака и охотники; собака снова схватила его и получила вторичный урок. Продолжая бежать вперёд, енот то увёртывался в стороны, то оборачивался назад, собираясь вступить в борьбу с собакой, и добрался таким образом до лесу. Здесь он остановился под невысоким, но толстым деревом и вскарабкался на него, в третий раз прогнал от себя собаку.

Охотники всячески старались раздражить собаку, которая, наконец, с громким лаем попыталась вскарабкаться на дерево. На этот раз они ничего больше не хотели, и первый урок Скукума был кончен. Он понял свою обязанность гнаться за большим зверем, узнал его запах и научился карабкаться на дерево, громко лая.

Тогда Куонеб, вооружившись вилообразной палкой и верёвочной петлёй, сам взобрался на дерево. После некоторого затруднения ему удалось накинуть петлю на шею енота и, стащив его с дерева, усадить в мешок; он отнёс его к вигваму и привязал там в ожидании дальнейших уроков. В последующие два-три урока он предполагал гнать его к дереву, как и сегодня, выпустить потом на свободу и дать ему уйти из виду, чтобы собака нашла его по следу и, выследив,

² Скукум или Скукум-Чек – на одном из индейских наречий "мутные воды".

загнала бы снова на дерево. Затем сбить его оттуда выстрелом и позволить собаке покончить с ним, а в награду устроить ей обед из мяса енота. Но планы Куонеба расстроились, ибо енот в последнюю ночь перегрыз свои путы, и утром вместо пленника Куонеб нашёл только ошейник и цепь.

Рольф был сильно взволнован всем, что видел в этот день. Охотничьи инстинкты ещё сильнее заговорили в нём. Никакой жестокости он не видел в том, что делал Куонеб; пострадала только собака, но она казалась совершенно счастливой и довольной. Всё это как нельзя более подходило к вкусам Рольфа; мальчик сразу почувствовал необыкновенный подъём духа и заранее уже мечтал о настоящей охоте на енота, когда собака будет окончательно выдрессирована. Только что пережитый эпизод представлял такой разительный контраст с той жалкой жизнью, которую он час тому назад оставил позади себя, что он стоял как зачарованный. Он ясно чувствовал запах енота, и глаза его горели и искрились. Он был так погружён в свои мысли, что не заметил приближения третьего лица, привлечённого необычным шумом охоты. Зато собака сразу увидела его; громкий лай её привлёк внимание охотников на человека, стоявшего на горе. Красное лицо и седые усы не оставляли никакого сомнения Рольфу, что это его дядя.

– Вот ты где, негодный мальчишка! Так-то ты теряешь время... погоди, я тебя проучу!

Собака сидела на привязи, индеец казался безобидным, а Рольф видимо струсил, и дядя окончательно расхрабрился. Он ездил перед этим в лес, и в руках у него была длинная плеть. Не прошло и минуты, как плеть, словно раскалённое железо, обвилась кругом ног Рольфа. Мальчик громко вскрикнул и пустился бежать; дядя преследовал его по пятам, осыпая ударами. Индеец, предполагавший, что это отец Рольфа, удивился его странному способу выражать свою любовь, но молчал, ибо пятая заповедь свято чтится в вигвамах индейцев. Рольфу удалось несколько раз увернуться от жестоких ударов, но тем не менее он был в конце концов загнан в угол между скалами. Ремень хватил его здесь прямо по лицу, оставив на нём красную, как бы обожжённую огнём полосу.

– Попался мне! – крикнул рассвирепевший пьяница.

Рольф обезумел от отчаяния. Он схватил два тяжёлых камня и с злым умыслом бросил один из них в голову дяди. Микки вовремя уклонился от него в сторону, но второй камень, пущенный ниже, ударил его по бедру. Микки заревел от боли. Рольф поднял ещё несколько камней и крикнул:

– Сделайте ещё один шаг – и я убью вас.

Красное лицо подёрнулось землистым оттенком, и Микки завопил в бессильном бешенстве, что Рольфа научил всему индеец и, что он слишком поздно догадался об этом. И седоголовый пьяница, продолжая ругаться, вопить и изрыгать проклятия, захромал к своему нагружённому дровами возу.

Глава 5. Рольф уходит от дяди

Рольф только теперь понял, что дядя его – трус. Но в то же время он понял, что поступил нехорошо, пренебрегая своими обязанностями, а потому решил вернуться домой и взглянуть прямо в лицо всему, даже самому худшему. Он совсем почти не оправдывался перед сварливой тёткой, встретившей его бранью, и был бы даже разочарован, если бы не услышал этой брани. Он привык к ней и сразу почувствовал себя дома. Молча и без устали принялся он работать.

Микки вернулся домой поздно вечером. Он возил дрова в Хортон и вот почему так неожиданно очутился поблизости вигвама Куонеба. Путь его шёл мимо таверны, и он вернулся домой в таком беспомощном состоянии, что не мог произнести ни слова и только бормотал себе что-то под нос.

На следующий день в воздухе стало чувствоваться приближение грозы. Рольфу послышалось, будто дядя с проклятием сказал про себя: "Неблагодарный негодяй... не стоит его держать". После этого он ничего больше не говорил и не трогал его; два дня не трогала его и тётка. На третью ночь Микки исчез куда-то, а на следующее утро вернулся с каким-то человеком. Они принесли с собой корзину с курами, а Рольфу приказали, чтобы он не смел подходить к конюшне. Всё утро Рольф ни разу не подошёл к ней, но ему удалось заглянуть туда с верхушки сеновала, и он увидел там красивую лошадь. На следующий день конюшня оказалась открытой и пустой, как всегда.

В эту ночь достойная пара устроила попойку с несколькими посетителями, которые были незнакомы Рольфу. Он ещё не спал и, прислушиваясь к разговору пьяной компании, говорившей какими-то намёками, не понимал всего и только догадывался кое о чём... "Ночная работа всегда прибыльнее дневной" и т. д. Затем кто-то произнёс его имя, и он услышал слова: "Пора идти наверх расправиться с ним". Каковы бы ни были их намерения, но Рольфу было ясно, что пьяная компания, подговорённая старым негодяем, собиралась жестоко поступить с ним. Он услышал тяжёлые шаги на лестнице и затем слова: "Возьми вот этот кнут!" Он понял, что ему грозит опасность, может быть смерть, потому что пьяницы напились до безумия. Поспешно вскочил он с постели, запер дверь на замок и, свернув ковёр трубкой, положил его на кровать. Затем он взял своё платье, открыл окно, вылез из него; голова его был ниже подоконника, а ноги упирались в стену. В таком положении он ждал, что будет дальше. До него ясно доносилось хриплое дыхание пьяниц, подымавшихся по лестнице... Кто-то дёрнул дверь за ручку... послышался смешанный говор, и дверь распахнулась. В комнату вошли два или три человека. Рольф не мог видеть их лиц, но чувствовал, что один из них его дядя. На свёрнутый ковер посыпались такие удары кнутом и палками, которые могли переломать Рольфу все кости и превратить его в бесформенную массу, будь он на месте ковра. Негодяи громко хохотали, словно дело шло о забаве. Рольф достаточно нагляделся. Скользнув тихонько на землю, он пустился бежать изо всех сил, чувствуя, что навсегда распростился с этим домом.

Но куда идти? Шаги его естественным образом направились в сторону Риддинга, единственного знакомого ему места. Но не прошёл он и мили, как остановился. Он услышал лай собак в ближайшем лесу, который тянулся вдоль западной окраины Эземука. Он свернул туда. Найти собаку – одно, а её хозяина – другое, но он скоро нашёл и последнего. Он крикнул три раза, и Куонеб ответил ему.

– Я навсегда развязался с ними, – сказал Рольф. – Он хотел убить меня сегодня. Найдётся для меня место в твоём вигваме денька на два?

– Да. Войди, – ответил индеец.

В эту ночь Рольф впервые спал на открытом воздухе под защитой вигвама. Он спал долго и не знал, что творится на свете, пока Куонеб не сказал ему, что пора завтракать.

Глава 6. Скукум признаёт Рольфа

Рольф думал, что Микки скоро найдёт его убежище и через несколько дней явится с констеблем, чтобы вернуть к себе беглеца. Но прошла неделя, и Куонеб, проходя через Мианос, узнал там, во-первых, что Рольфа видели, когда он шёл по направлению к Демплингскому пруду, а потому все думают, что он отправился в Риддинг; во-вторых, что Микки Киттеринг арестован по обвинению в краже лошади и будет, вероятно, приговорён к нескольким годам заключения в тюрьме и, в-третьих, что жена его вернулась к своим родным в Норуолк, и дом перешёл к чужим.

Двери его были заперты теперь для Рольфа, и с каждым днём становилось всё более и более ясным, что он будет жить вместе с Куонебом. Как же было не радоваться Рольфу? Он навсегда избавился от жестоких тиранов, которые едва не исковеркали его молодую жизнь, и мечта его о возможности жить среди дикой природы осуществлялась. Он мог наконец удовлетворить свои охотничьи инстинкты, чего так жаждало его сердце с того времени ещё, когда он прочёл единственный истрёпанный том Робинзона Крузо. Трудно размахнуться орлу со связанными крыльями, и только тогда он счастлив, когда чувствует себя свободным и с верхушки высокого утёса несётся по воздуху, оседлав неукротимый горный ветер.

Воспоминание о роковом дне охоты на енота глубоко запечатлелось в душе Рольфа. Никогда потом не мог он слышать запах енота, чтобы не вспомнить о нём, ибо, несмотря на все ужасные происшествия этого дня, он всё же был для него предвестником радости.

Тяжёлые воспоминания о последнем периоде жизни скоро изгладились у Рольфа и сменились радостями новой. Рольф увидел с самого начала, что индейцы не так выносливы, как о них говорят, и стараются избегать тяжёлой работы. Они стремятся к тому, чтобы сделать жизнь свою приятной, и более всего заботятся об удобствах ночлега. На второй же день своего прихода Рольф занялся под руководством Куонеба устройством постели. Вместе с ним приготовил он два бревна в четыре дюйма толщины и три фута длины. На концах этих брёвен они сделали выемки и с помощью этих выемок скрепили их с двумя крепкими палками в шесть футов длины. Срезав затем семьдесят пять прямых ивовых прутьев, они с помощью ивовой коры сплели решётку в три фута ширины и шесть футов длины и наложили её на сделанную рамку, решётку они покрыли двумя одеялами, так что получалась мягкая, сухая и очень удобная постель повыше земли. Каждая постель была снабжена кроме того суконным покрывалом, которое вместе с парусинной крышей вигвама служило превосходной защитой против всякой бури и непогоды. Спать и дышать чистым лесным воздухом доставляло только одно удовольствие, и для этого не требовалось тяжёлой работы.

"Травяной месяц", то есть апрель, прошёл, и наступил "певчий месяц", с прилетевшими посетительницами – певчими птичками. Рольф заметил, что многие из них любят петь по ночам. Не раз уж слышал он серебристый голос певчего воробья, доносившийся с отдалённых окраин Эземука, и чириканье полевого воробья на верхушке кедра. Тишина ночи нарушалась жалобным криком козодоя, неумолчным криком мириад маленьких лягушек, известных здесь под названием "весенних цыплят", и своеобразным "пинт, пинт", которое раздавалось высоко в небе, сопровождаясь нежным щебетаньем, – песнью любви, по словам Куонеба, которую поёт большая болотная птица с распущенным в виде веера хвостом и длинным мягким клювом, и глазами, как у лани.

– Ты говоришь про вальдшнепа?

– Да, так её зовут бледнолицые, но мы зовём её Пех-деш-ке-андже.

К концу месяца прилетели новые певцы и между ними соловей. В низких кустарниках вблизи равнин запели приятным голосом желтогрудые каменки. В лесу то и дело раздавался какой-то бурный, захватывающий напев, который, казалось, лился откуда-то сверху, с мерца-

ющих на небе звёзд. Рольф прислушался к нему, и сердце его трепетало, и к горлу подступали слёзы.

– Что это, Куонеб?

Индеец покачал головой, а когда пение кончилось, ответил:

– Это поёт какая-то таинственная птица... я никогда не видел её.

Наступила довольно продолжительная пауза, после которой Рольф произнёс:

– Здесь нет хорошей охоты, Куонеб. Почему ты не хочешь отправиться в северные леса, где много красного зверя?

Индеец слегка покачал головой и, желая, по-видимому, прекратить этот разговор, сказал:

– Укройся получше суконным одеялом: сегодня ветер дует с моря.

Он замолчал и несколько минут стоял у огня, не спуская с него глаз. Рольф почувствовал вдруг что-то мокрое и холодное на своей руке. Это был нос Скукума. Маленькая собака решила признать своим другом бледнолицего мальчика.

Глава 7. Воспоминания и том-том индейца

Рано утром, когда только что пала роса, Куонеб собрался выйти из дому и, подойдя к огню, согрел свой том-том, чтобы настроить его. Он очень ослабел из-за сырой погоды, и Куонебу пришлось натянуть задние ремни. Когда ремни согрелись, том-том издал вдруг такой пронзительный звук, что Рольф невольно обернулся, желая узнать, в чём дело, и вдруг – "крах!"... на том-томе лопнула кожа.

– Он старый уже, я сделаю новый, – сказал Куонеб.

И в это утро Рольф увидал, как делают том-том. Куонеб расколол молодое деревце орешника и сделал длинную полосу в три дюйма ширины и один дюйм толщины в середине, а к краям, тоньше, выпуклую с одной стороны и плоскую с другой. Согнув её затем плоской стороной внутрь, он сделал обруч, который держал несколько времени в горячей воде и над паром, после чего уменьшил его до пятнадцати дюймов в поперечнике и скрепил концы его ремнями, предварительно размягчёнными в воде. Для покрытия том-тома употребляется обычно оленья шкура, но у Куонеба её не было, и он вынул из амбара под скалой старую телячью шкуру. Он опустил её на целую ночь в пруд, чтобы она хорошенько вымокла, и на другой день смазал всю сторону, покрытую шерстью, смесью негашёной извести с водой. На следующее утро он легко очистил всю шерсть, удалил все жирные частицы, сгладил кожу и, положив на неё обруч, вырезал правильный круг на пять дюймов шире обруча. По краям круга он продел ремень таким образом, чтобы его можно было захватить и натянуть, когда он будет наложен на обруч. Захватив ремень в четырёх местах круга, он стянул его так, что полосы его перекрещивались в самом центре, образовав восемь лучей в виде спиц в колесе. Он взял ещё один ремень, пропустил его через все спицы, то сверху, то снизу, по очереди и кругом самого центра, чтобы по возможности ту же натянуть кожу. Когда том-том высох, и кожа на нём натянулась ещё сильнее и сделалась твёрже, он стал давать при ударе почти металлический звук.

И Куонеб запел сказание о том, как много лет тому назад народ его, вабанаки – "люди утренней зари", отправился на запад, войной пролагая себе путь, и завоевал всю страну Большого Шетемука, известного у бледнолицых под названием Гудзона. И чем больше он пел, тем больше волновали душу его воспоминания и тем больше раскрывалась она. Молчаливые индейцы, как и король Вильгельм Молчаливый, были названы так благодаря тому, что все привыкли видеть их сдержанными. В присутствии людей посторонних индейцы бывают всегда молчаливы, сдержанны и робки, но между собой они очень общительны и любят поговорить. Рольф увидел, к удивлению своему, что молчаливый Куонеб бывает дома очень общителен и разговорчив, только надо уметь затронуть самые сокровенные струны его сердца.

Слушая сказание о вабанаки, Рольф спросил:

– Всегда ли твой народ жил здесь?

И Куонеб мало-помалу рассказал ему всю историю.

Задолго ещё до того времени, когда явились бледнолицые, сайневе завоевали и держали в своей власти всю землю от Квинухтекута до Шетемука; затем пришли бледнолицые: голландцы из Менхаттана и англичане из Массачусетса. Сначала они заключили с сайневе трактат, потом среди зимы собрали армию и, воспользовавшись перемирием и празднеством, по случаю которого всё племя собралось в укреплённом стенами городе Питуквепене, окружили его войсками и подожгли. Пламя выгнало из домов людей, которых убивали как оленей, попавших в снежные сугробы.

– Там вот стояло селение отцов моих, – сказал индеец, указывая на ровное место в четверти мили от вигвама, расположенное у скалистого хребта, на запад от Стрикенд-Плена. – Там же стоял дом могущественного Эмеджероне; он был честен и думал, что можно верить всем людям, и поверил бледнолицым. Та дорога, что идёт с севера, проложена мокасинами, и в том

месте, где она сворачивает на Кос-Коб и Мианос, её залило кровью в ту ночь; вся поверхность снега, начиная от той горы и до этой, почернела от мёртвых тел.

Сколько людей погибло? Тысяча, большею частью женщины и дети. Сколько было убито атакующих? Ни одного. Почему? Время было мирное – перемирие. Мой народ был неподготовлен – все были без оружия. Неприятель скрывался в засаде.

Спасся один только храбрый Мэн-Мэйано, тот самый, который был против заключения трактата. Англичане называли его воинственным Сегемуром. Он не переставал вести войну с англичанами. Много-много скальпов собрал он. Никогда не боялся он встречи с несколькими противниками и всегда побеждал их. Чем дальше, тем отважнее становился он. Один индейский Сегемур сильнее трёх бледнолицых, говорил он с гордостью и доказывал это на деле. В один несчастный день, однако, когда он шёл, вооружённый только томагавком, ему попались навстречу три воина, одетых в кольчугу и вооружённых ружьями и пистолетами. Он убил первого, сделал никуда негодным второго, но третий, капитан в стальном шлеме, поспешил отбежать футов на десять в сторону, а оттуда прострелил сердце бедного Мэна-Мэйано. Там, по ту сторону горы, на большой дороге к Стамфорду, его схоронила овдовевшая жена. На реке, которая носит его имя, жил мой народ до тех пор, пока не умерли все, и остался один только мой отец.

Кос-Коб, так звали моего отца, принёс меня сюда, когда я был ребёнком, как и его приносил сюда когда-то дед, и показал мне место, где стоял наш Питуквепен. Он занимал всю равнину, где идёт дорога, залитая когда-то кровью. Там, в болотистых лесах, где мягкая почва, грудой свалили палачи тела наших убитых; там, у скалистого хребта за Эземуком, покоится умерщвлённое племя. Когда наступал месяц "диких гусей", дети наши шли на тот холм; они знали, что там раньше всего появляется голубой цветок весны. Я тоже всегда нахожу его, и, когда сижу там, мне кажется, что я слышу крики, которые в ту ночь раздавались в охваченном огнём селении... крики матерей, младенцев, которых избивали, как кроликов.

И тогда я вспоминаю храброго Мэна-Мэйано. Дух его посещает меня, когда я сижу и пою песни моего народа... не воинственные песни, но песни далёкой страны. Я остался один. Ещё немного – и я уйду к ним. Здесь я жил, здесь я умру. – Индеец кончил и погрузился в молчание.

В этот день он взял поздно вечером свой том-том, висевший на гвозде, поднялся на вершущку большого утёса, где он всегда молился, и запел:

Отец, мы блуждаем во тьме.

Отец, мы не понимаем

И, блуждая во тьме, преклоняем голову.

Глава 8. Лук лучше ружья

К числу наиболее известных заблуждений наших относительно индейцев принадлежит также убеждение, будто у них одни только женщины исполняют всякую работу. На обязанности женщин лежит действительно вся домашняя работа, зато мужчины делают всё, что не под силу женщине. Они подвергаются всевозможным опасностям на охоте, плавают в пирогах, перевозят и переносят тяжести, не говоря уже о других, более лёгких работах, как изготовление лыж, луков, стрел и пирог.

Каждый воин сам делает себе лук и стрелы, но если, как это случается часто, один из них оказывается более искусным в приготовлении оружия, то другие избирают более подходящую для себя специальность.

Преимущества лука перед ружьём заключаются в том, что он действует без всякого шума, стоит недорого, и все части его могут быть приготовлены в любом месте. Ружья во времена Куонеба изготовлялись по старинной системе, ни в чём не походили на нынешние, и между ними и луком было мало разницы. Лук и стрелы, сделанные Куонебом, всегда были наивысшего качества, да и сам он был первоклассным стрелком. Он целился в десять ракушек на расстоянии десяти шагов и все их сбивал десятую выстрелами. Вот почему охотился он большею частью при помощи лука; ружьём он пользовался только во время пролёта диких голубей и уток, и ему достаточно было одного заряда дроби, чтобы сбить десяток птиц.

Но для стрельбы существуют также свои законы, и кто желает достигнуть в ней совершенства, тот должен чаще упражняться. Когда Рольф увидел, что Куонеб почти ежедневно занимается стрельбой, он пожелал также принять участие в этом виде спорта.

После нескольких попыток Рольф почувствовал, что лук этот ему не под силу. Тогда Куонеб решил, что необходимо приготовить для него новое оружие.

Из сухого углубления под скалой он вытащил кусок обыкновенного кедра. Некоторые пользуются для этого орешником; он не так легко ломается и более вынослив, но не даёт такой скорости, как кедр. Последний гонит стрелу гораздо дальше, и она с такой невероятной быстротой отскакивает от верёвки, что это почти незаметно для глаз. Зато лук из кедра требует такого же осторожного обращения, как самый тонкий механизм. Натяните его слишком сильно – и он сломается; натяните его без стрелы – и он разорвёт верёвку; поскребите его чем-нибудь – и он расколется; мокрый он будет никуда не годен; если его положить на землю, и то он ослабеет. Если же вы будете беречь его, он будет служить вам, как преданный слуга, и ни одно дерево тех лесов не сравнится с ним.

Стрелок берёт обыкновенно ту часть дерева, где красная древесина соединяется с белой заболонью. Кусок кедра, длиною от подбородка Рольфа до земли, Куонеб стругал до тех пор, пока он не сделался плоским с белой стороны и круглым с красной, суживаясь начиная с середины, где ширина и толщина его равнялись одному дюйму по направлению к концам, где ширина его равнялась трём четвертям дюйма, а толщина пяти восьмым дюйма, причём красный слой везде равнялся белому.

Верёвка была сделана из сухожилий коровы, взятых из длинных широких мускулов по обе стороны спинного хребта; верёвкой этой Куонеб соединил оба конца лука. Когда он натянул его (плоской, то есть белой стороной к себе), то оказалось, что одна сторона его гнётся больше, чем другая, и Куонеб принялся стругать более тугую сторону, пока обе не сравнялись.

Стрелы Куонеба подходили как нельзя лучше к этому луку, но Рольфу необходимо было иметь и свой собственный запас стрел. В выборе материала не было недостатка. Длинные прямые побеги стрелочного дерева употреблялись индейцами в прежнее время, но Куонеб, имевший в своём распоряжении топор, придумал нечто лучшее. Он расколол на щепки чурбан ясеня в двадцать пять дюймов в поперечнике и выстругал их до одной четверти дюйма тол-

щины, сделав их круглыми, гладкими и безукоризненно прямыми. На одном конце их он сделал зарубку, прикрепив к ней три гусиных пера. Стрелы были трёх видов. Все они были одинаковы по форме и украшению из перьев, но отличались своими наконечниками. Стрелы для стрельбы в цель имели кончики острые и, для большей твёрдости, обожжённые до коричневого цвета. Будь эти кончики стальные и конической формы, они действовали бы лучше, но таких негде было достать. Обыкновенные стрелы для охоты – с зазубренными стальными наконечниками, которые покупались готовыми. Они служили для охоты на мускусных крыс, уток и красного зверя. Птичьи стрелы с широкими, круглыми деревянными головками. Они предназначались для перепёлок, куропаток, кроликов и белок, а также употреблялись для наказания собак, не принадлежавших индейцу, когда они нарушали известные правила и при этом находились на таком расстоянии, что их нельзя было ударить.

"Оружие готово, – подумал Рольф. – Остаётся дать ему окончательную отделку". Часть стрелы, украшенную перьями, Куонеб окрасил ярко-красным цветом. Сделано это было не для украшения и не для указания, кому принадлежит лук, а для того, чтобы стрелу легче было найти. Ярко-красный цвет в соединении с белыми перьями предохраняет стрелу от потери. Неокрашенную стрелу трудно заметить среди листвы кустарников, зато ярко окрашенная бросается в глаза на расстоянии 100 ярдов.

Лук и стрелы держат обыкновенно в таком месте, где нет сырости. Каждый охотник запасается футляром из оленьей шкуры, а если такого не имеется, то для стрел делается колчан из берёзовой коры, скреплённый сосновыми корнями; а для лука – длинный чехол из просмоленной парусины.

Наконец наступил момент обучения стрельбе. Прежде всего требуется наложить стрелу и натягивать верёвку тремя пальцами. Большой палец и мизинец не принимают никакого участия. Мишенью служит обыкновенно мешок с сеном, поставленный на расстоянии 20 футов, до тех пор, пока стрелок не научится попадать в него каждый раз. Мешок постепенно переставляют всё дальше до расстояния 40 ярдов. Рольф не мог, конечно, никогда научиться стрелять так хорошо, как Куонеб, который практиковался в этом, начиная с детства.

Индейцы признают отличным стрелком лишь того, кто может выдержать в стрельбе три испытания.

Первое испытание – в меткости.

Стрелок хорош, если он может попасть в трёхдюймовый значок десять раз подряд на расстоянии десяти шагов.

Второе – в скорости.

Может ли стрелок выпустить сразу пять стрел одну за другой? Если да – хорошо. Если шесть стрел – то очень хорошо. Семь – превосходно. Высшим пределом совершенства считается восемь.

Третье испытание – в силе.

Может ли стрелок так сильно натянуть лук, что стрела пролетит 250 ярдов или пронзит оленя на расстоянии десяти шагов?

Рассказывают, что один индеец из племени Сиу одной стрелой пронзил трёх антилоп. Ему ничего не стоило пронзить насквозь бизона. Один индейский вождь пронзил одной стрелой бизона и бежавшего рядом телёнка.

Когда стрелок достигнет совершенства во всех трёх способах стрельбы, он может убить куропатку или белку во всякое время, может сбить пять-шесть птиц из летящей мимо стаи, может убить оленя на расстоянии 25 ярдов и не будет никогда голодать в лесу, где много дичи.

Рольф не прочь был бы сейчас же отправиться и попытать счастья на настоящей охоте, но он наделал ещё много промахов и много сломал и растерял стрел прежде, чем ему удалось принести домой рыжую белку. Он научился таким образом ценить искусство тех, которые могли прокормить себя с помощью лука. Он понял, что считать себя настоящим охотником

можно только тогда, когда в состоянии будешь ответить утвердительно на следующий вопрос: отважишься ли ты пойти в дремучий лес, где много дичи, один, не захватив с собой никакого оружия, кроме лука и стрел, и пройти пешком 250 миль, добывая себе по пути средства пропитания?

Глава 9. Задуманный Рольфом план приносит хорошие результаты

Человек, который сделал вам зло, никогда не простит вам этого, – зато оказавший вам помощь в тяжёлую минуту вашей жизни навсегда останется вам благодарным. Ничто не может так сильно привязать вас к человеку, как сознание того, что именно вы оказали ему эту помощь.

Куонеб помог Рольфу и поэтому чувствовал к нему гораздо больше влечения, чем ко всем соседям своим, которых он знал в течение многих лет; он готов был даже полюбить его. Встреча их произошла случайно, а между тем они скоро поняли, что между ними должна завязаться дружба. Рольф был ещё настоящим ребёнком и мало думал о будущем; Куонеб походил на него. Большинство индейцев – взрослые дети.

Было, однако, одно обстоятельство, о котором Рольф не мог не подумать: он считал себя не вправе жить на счёт Куонеба, не способствуя с своей стороны добыванию необходимых средств к существованию. Куонеб добывал эти средства частью охотой и рыбной ловлей, частью продажей корзин и работой у своих соседей. Рольф, который всё время исполнял только обязанности работника на ферме, ничего этого не умел делать. Решив прожить всё лето у Куонеба, он прямо сказал ему:

– Позволь мне остаться у тебя месяца два. Я поищу себе работу и добуду средства на своё содержание.

Куонеб ничего не сказал ему, но глаза их встретились, и мальчик понял, что он согласен.

Рольф в тот же день отправился на ферму Обадии Тимпани и предложил свои услуги полоть кукурузу и косить траву. Какой фермер не бывает рад, когда во время посева или жатвы к нему является работник? Вопрос был только в том, что умеет делать Рольф и какую плату он желает получить? Первый из них выяснился скоро; что касается платы, то в то время платили обыкновенно два доллара в неделю. Когда же Рольф выразил желание получать половину продуктами, то оказалось, что его заработок в неделю дошёл в действительности до трёх долларов. Продукты были так же ничтожны, как и жалованье; в конце недели Рольф принёс домой мешок овсяной крупы, мешок маисовой крупы, четверик картофеля, некоторое количество яблок и один доллар деньгами. Последний он истратил на чай и сахар. Всего этого должно было им хватить на целый месяц, и Рольф со спокойной совестью мог оставаться в вигваме.

Трудно было ожидать, чтобы в маленьком соседнем городке Мианосе не узнали, что у индейца поселился белый мальчик и что мальчик этот Рольф. Обстоятельство это вызвало у соседей самые разнообразные суждения. Некоторые настаивали даже на том, что этого не следует допускать, но Хортон, владелец земли, на которой жил Куонеб, не нашёл никакого основания вмешиваться в это дело.

Китчура Пек, старая девица, находила, напротив, множество оснований для этого. Она чувствовала себя призванной для миссии и считала оскорблением пребывание христианина у безбожного язычника. Она печалилась об этом в той же мере, в какой печалилась о существовании язычества в центральной Африке, где не было воскресных школ и где одежда была таким же редким явлением, как и церкви. Ввиду того, что ей не удалось уговорить ни Парсона Пека, ни старейшину Кноппа принять участие в этом деле, и что на собственные свои молитвы она не получала никакого ответа, она решилась на смелый поступок и после нескольких бессонных ночей, проведённых в молитве, отправилась с Библией к месту жительства язычника.

Она вышла в прекрасное раннее утро июня месяца по направлению к Пайнестевскому пруду с Библией в руках и с чисто-начисто протёртыми очками, собираясь сама прочесть избранные ею места язычнику.

Она вся пылала жаждой миссии, когда выходила из Мианоса, но жажда эта уже несколько охладела, когда она добралась до Оркардской дороги. По мере того, как одушевление её проходило, леса казались ей более пустынными и дикими, и она начинала уже подумывать о том, действительно ли женщины имеют право заниматься миссией? Но вот она увидела пруд... Куда неприятнее Мианоса показалось ей всё это место!.. Где же лагерь индейца? Она боялась крикнуть, и в душе ей очень хотелось вернуться домой, но сознание долга заставило её пройти ярдов пятьдесят вдоль пруда. Здесь она очутилась у непроходимой скалы, которая как бы сказала ей: "стой!". Ей оставалось или вернуться назад, или вскарабкаться на скалу. Прирождённое чувство настойчивости, присущее американке, подсказало ей: "Попытайся вскарабкаться на скалу!", и она немедленно начала долгий, утомительный подъём, пока не очутилась на вершухе огромного утёса, откуда открывался вид на Мианос и море.

Велика была её радость, когда она увидела вдали свой дом, но радость эта прошла моментально, как только она сделала ужасное открытие, что стоит над лагерем индейца. Обитатели его показались ей страшными дикарями, и она была очень рада, что они не заметили её. Она отступила назад, но затем, придя несколько в себя, заглянула вниз и увидела, что на огне что-то жарится – "крошечная ручка с пятью пальцами", – рассказывала она потом. Ужас охватил её... она слышала рассказы о таких вещах. Только бы добраться благополучно домой! Как смела она искушать Провидение! Она неслышно повернула назад, воссылая Богу молитвы, чтобы он помог ей уйти. А как же Библия? Грешно нести её обратно! И она положила её в расселину скалы, прикрыла камнем, чтобы ветер не разорвал её листов, и пустилась бегом от страшного места.

Вечером, по окончании ужина, состоявшего из кукурузы и жареного енота, индеец поднялся на утёс, чтобы посмотреть на небо. Книга сразу бросилась ему в глаза, и он подумал, что кто-нибудь спрятал её туда. Спрятанная вещь священна для индейца. Он не тронул книги, но спросил потом у Рольфа:

– Это твоя?

– Нет.

Книга принадлежала, разумеется, кому-то, кто мог вернуться за ней, а потому её не тронули с места. Там пролежала она несколько месяцев подряд, пока не наступили зимние вьюги, которые сорвали переплёт, разрознили листы, оставив, впрочем, кое-что, давшее возможность узнать много времени спустя, что это за книга, и послужившее вместе с тем к переименованию скалы. Название это до сих пор осталось за ней – "Скала Библии, где жил Куонерб, сын Кос-Коба".

Глава 10. Гроза и добывание огня

Когда Рольф в первый раз увидел вигвам, он удивился, что Куонеб не устроил его где-нибудь вблизи озера, но скоро узнал, что надо всегда пользоваться утренним солнцем, послеобеденной тенью и заботиться о защите от северных и западных ветров.

В истине двух первых положений он убеждался каждый день, но прошло две недели прежде, чем он понял значение последнего.

В этот день небо было ясно при восходе солнца, но оно скоро скрылось за тяжёлыми тучами. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка, и чем дальше, тем жарче и удушливее становился день. Куонеб ждал грозы, и она налетела с неожиданной силой и северо-западным ветром, который снёс бы вигвам, если бы не защита утёса; до вигвама доносился только лёгкий ветерок. Два сросшиеся дерева, в 50 ярдах от вигвама, так сильно бились друг о друга во время грозы, что от них отскакивали тонкие дымящиеся кусочки коры, которые легко могли бы воспламениться, не будь такого сильного дождя. То и дело раздавались оглушительные и продолжительные раскаты грома, а дождь лил целыми потоками. Они ждали дождя, но не того потока воды, который хлынул вдруг через край утёса, заливая все внутри вигвама, за исключением постелей, которые возвышались на четыре дюйма над землёю. Лёжа на них, они ждали терпеливо, а может быть и нетерпеливо, пока прекратится буря, свирепствовавшая в течение двух часов. Мало-помалу, однако, ливень превратился в отдельные капли дождя, рёв бури в тихий шум ветра, раскаты грома замерли где-то вдаль, и между разорвавшимися на небе облаками показались голубые просветы – вся природа кругом сделалась спокойной и довольной, но невообразимо мокрой. Огонь внутри вигвама погас, и почти всё топливо отсырело. Куонеб достал из углубления в скале кусок сухого кедра и взял трутницу вместе с огнивом и кресалом, но намерения его встретили неожиданное затруднение: трут отсырел и никуда не годился.

В то время спички не были ещё изобретены, и все пользовались огнивом и кресалом для добывания огня, для чего необходим был трут. "Дело безнадежное, – подумал Рольф, – огня не добыть".

– Нана Боджу долго танцевал, – сказал индеец. – Видел, как он пробовал зажечь огонь, заставляя деревья биться друг о друга? Он научил наших отцов делать то же самое, и мы добываем огонь тем же способом, когда у нас под рукой нет выдумок бледнолицых.

Куонеб взял два куска кедрового дерева, – один толщиной в три четверти дюйма и длиной восемнадцать дюймов, круглый и заострённый с обоих концов, а другой в пять восьмых дюйма толщины и плоский. В плоском куске он сделал выемку и на конце её небольшую ямочку. Сделав лук из крепкой изогнутой палки, он скрепил концы его ремнём из оленьей кожи, затем отрезал небольшой кусочек от соснового сука и кончиком ножа сделал в нём углубление. Но прежде, чем добывать огонь, надо было собрать топливо, сложить его и приготовить что-нибудь вместо трута. Куонеб взял кедровых стружек и кедровой коры и скатал всё это в один двухдюймовый шарик, который мог прекрасно заменить собою трут. Всё было готово. Тогда Куонеб взял лук и ремнём его два раза обернул длинную круглую палку; один заострённый конец этой палки он воткнул в ямочку, сделанную в плоском куске кедра, а на другой конец её сверху надел сосновый сучок. Держа одной рукой лук, он с помощью ремня стал вращать палку взад и вперёд медленно, не останавливаясь до тех пор, пока, вследствие вращения длинной палки или свёрла, в ямочке под ней не появился дым. Тогда он завертел палку скорее; дым усилился, и выемка наполнилась порошком. Куонеб растёр руками порошок, и он заискрился. Тогда он приложил к нему кедровый трут и раздувал его, пока тот не загорелся и не осветил вигвам.

Вся процедура заняла не более минуты времени. Способ этот практиковался у индейцев в древние времена; Рольф слышал рассказы об этом способе и считал его чем-то вроде мифа.

Он думал на основании прочитанного им в книге, что на добывание огня требуется час или два, а тут прошло несколько секунд и достаточно было нескольких умелых, ловких поворотов руки.

Он скоро и сам научился добывать огонь, а впоследствии, как это ни странно, научил этому способу других индейцев, которые забыли о нём, благодаря огниву и кресалу, изобретениям бледнолицых.

Когда они шли в этот день по лесу, Рольф увидел три дерева, поражённых молнией во время грозы; все три оказались дубами. И Рольф припомнил, что все деревья, которые он видел поражёнными молнией, всегда оказывались дубами.

– Так ли это, Куонеб? – спросил он.

– Нет... молния поражает и другие деревья; правда, она чаще всего поражает дуб, но также сосну, ель, омегу, липу и много других деревьев. Два только дерева никогда не видел я, чтобы она поражала: берёзу и бальзамическую сосну.

– Почему?

Мой отец говорил мне, когда я был ещё маленьким мальчиком, что молния не трогает их потому, что они греют и укрывают Деву-Звезду, сестру Птицы-Грома.

– Я никогда не слышал об этом; расскажи мне.

– Не сейчас... когда-нибудь после.

Глава 11. Охота на сурков

Маисовая крупа и картофель, чай и яблоки, употребляемые три раза в день, теряют в конце концов свою прелесть. Даже рыба не может в достаточной мере удовлетворить тех, кто любит мясную пищу. Вот почему Куонеб и Рольф решили отправиться на охоту. Время крупной дичи на Эземуке миновало, зато здесь было много мелких видов и больше всего сурков, которые вызывали ненависть всех фермеров. И не без основания. Норы их представляли опасность лошадиным ногам. Да и не только лошадиные ноги, но и затылки всадников не раз уже страдали от того, что лошадь нечаянно попадала в одну из этих опасных ловушек. Каждая нора, кроме того, всюду, где селится это животное, является центром опустошения обработанных полей. Вред, приносимый этими животными, быть может, и преувеличен, но все фермеры единогласно утверждают, что сурки – настоящая язва.

Как ни раздражаются земледельцы на индейцев за то, что они охотятся на перепёлок, они всегда радостно приветствуют их, как истребителей сурков. Индейцы считают это животное отличной дичью, потому что у него очень вкусное мясо.

Рольф очень обрадовался, когда Куонеб взял лук и стрелы и сказал, что они сейчас отправятся на охоту за мясом. Все поля кругом были заселены сурками, и охотники осторожно переходили с одного на другое, внимательно всматриваясь в зеленеющую на далёкое пространство поверхность, не покажутся ли где тёмно-бурые пятнышки, то есть фуражирующие сурки. И вот, наконец, среди клевера увидели они одного большого и двух поменьше. Большой становился время от времени на задние лапки и зорко осматривался, нет ли где поблизости опасности. Луг представлял собою обширное пространство без всякого прикрытия, и только позади того места, где находилась, по всей вероятности, нора, тянулся горный кряж. Куонеб подумал, что ему оттуда удобнее будет подойти к добыче.

Он сказал Рольфу, чтобы тот спрятался, и научил его тем знакам, которые употребляют индейцы, чтобы охотник знал, куда ему идти, если он потеряет из виду добычу. Первый – "вперёд" (кивок головой), второй – "стоп" (поднять руку ладонью вперёд); протянутый вперёд указательный палец – "на лугу", опущенный вниз – "в нору". Но Рольф не должен был делать никаких знаков и не двигаться с места, пока Куонеб не сделает ему вопросительного знака (махнёт рукой ладонью вперёд, растопырив пальцы).

Куонеб вернулся в лес, чтобы осторожно, под прикрытием скалистых стен, обойти кругом к другому склону кряжа. Ползком и плотно прижавшись грудью к земле, пробирался он в клевере. Несмотря на то, что клевер был не выше фута, индейца можно было заметить только с более высокого места.

Так добрался он до низкого холмика позади нор сурков, незамеченный их обитателями. Но тут он встретился с неожиданным затруднением: он не видел отсюда ни одного сурка. Они находились, надо полагать, вне прицела, а спугнуть их – они бы тогда бросились к своему жилищу и скрылись в норе. Но он спокойно отнёсся к этому. Подняв руку, он сделал вопросительный знак, и Рольф ответил ему: "всё в порядке... здесь!" (рука ладонью вниз с вытянутым указательным пальцем). Он подождал несколько секунд, сделал тот же знак и получил тот же ответ.

Он знал, что движение руки стоящего вдали человека обратит на себя внимание старого сурка, и он сядет на задние лапки, чтобы посмотреть в чём дело; если же это движение повторить ещё раз, то он, хотя и без особенной тревоги и поспешности, всё же двинется к своей норе и прикажет детям следовать за собой.

Охотнику пришлось ждать недолго. Раздался пронзительный свист, и самка, покачиваясь из стороны в сторону, пустилась рысью к норе, озираясь кругом и на бегу продолжая щипать клевер. По пятам за нею следовали два её жирных детёныша. Добравшись до норы, самка

несколько успокоилась, и семья снова принялась за еду, но не отходя от норы. Куонеб взял лук, наложил птичью стрелу и приготовил ещё две. Слегка приподнявшись, он натянул лук. Ззз! Стрела попала одному детёнышу в нос и опрокинула его на спину. Второй подпрыгнул от удивления и стал на задние лапки. То же сделала и мать... Ззз! Засвистела вторая стрела и попала в другого детёныша. С быстротою стрелы скрылась самка в своем безопасном убежище под землёю. Куонеб знал, что она не заметила его и скоро выйдет оттуда обратно. Он терпеливо ждал. И вот из отверстия норы выглянула серовато-бурая мордочка старой воровки клевера, но этого было недостаточно индейцу для выстрела, а она по-видимому, не имела никакого желания выйти из норы. Индеец ждал довольно долго и решил, наконец, прибегнуть к старой уловке. Он тихонько принялся насвистывать какую-то песню. Потому ли, что самка думала, что это свистит кто-нибудь из её соплеменников или ей просто-напросто понравились эти звуки – неизвестно, но она поступила, как поступают и все её родственники: медленно и всё больше выползала она из норы, пока не выползла до половины, затем остановилась и стала озираться.

Куонеб поспешил воспользоваться этим случаем. Он взял стрелу с зазубренным наконечником и прицелился в самку между плечами. Ззз! Стрела поразила самку, прекратив минуту спустя жизнь и помешав ей скрыться в норе, как это часто делают смертельно раненные животные.

Куонеб встал, не скрываясь больше, и сделал знак Рольфу, который бегом поспешил к нему. Три жирных сурка – это был запас свежего мяса на целую неделю. Кто не пробовал мяса молодого жирного сурка, тот не может себе и представить, насколько вкусным и нежным должно оно казаться, поджаренное с картофелем, молодому голодному охотнику.

Глава 12. Битва с водяным демоном

Однажды утром, когда они вдвоём шли по берегу озера, Куонеб указал Рольфу на воду. Там плавало нечто вроде небольшого круглого листа с двумя бисеринками на некотором расстоянии друг от друга. На два фута дальше Рольф увидел ещё больший лист и догадался, что первый лист была голова с глазами, а второй – щит большой кусающейся черепахи. Не прошло и минуты, как она скрылась из виду. Рольф знал и видел три различных вида черепах, но никогда ещё не видел он такого огромного и зловещего чудовища.

– Это Босикадо. Я знаю его, и он знает меня, – сказал краснокожий. – Между нами давно уже идёт война; наступит день, когда мы покончим с ним. Три года тому назад увидел я его в первый раз. Я убил утку; она осталась на воде. Не успел я ещё добраться до неё, как кто-то потянул её вниз. Утка эта прилетела летом с молодыми утятами; он всех перетаскал по одному, а под конец стащил и утку. Он всегда таскал уток, и я несколько ночей закидывал на него крючок. Я поймал несколько маленьких черепах по восьми и десяти фунтов весом. Они были очень вкусные. Я три раза ловил Босикадо на крючок, но всякий раз, когда я хотел втащить его в лодку, он обрывал самые крепкие верёвки и уходил прочь. Он такой ширины, как пирога; его когти проходят сквозь кожу на пироге, и он трепал её и шатал во все стороны. Он походит на подводного злого духа, и он навёл на меня страх.

Отец учил меня, что есть только одна вещь на свете, которой человек должен стыдиться – это страх. Я сказал себе тогда же, что никогда не допущу, чтобы страх овладел мною. Я жажду битвы с Босикадо. Он мой враг. Он навёл на меня страх, и я хочу навести на него страх. Три года наблюдаем мы друг за другом. Три года подряд уносит он моих уток и крадёт мои удочки, сети и западни для мускусной крысы. Вижу я его не очень часто и в большинстве случаев так, как сегодня.

До Скукума у меня была маленькая собака Найнде. Хорошая была собака. Она выслеживала енотов, ловила кроликов и даже уток, хотя и была маленькая. Я убил однажды утку; она упала в озеро; я позвал Найнде. Она прыгнула в воду и поплыла к утке. Тогда утка, которую я считал мёртвою, поднялась вверх и улетела; я крикнул Найнде. Она поплыла ко мне. Добравшись до глубокого места, она вдруг завывала и забарахталась. Затем она громко залаяла, словно звала меня. Я прыгнул в пирогу и поплыл к ней; но тут моя маленькая Найнде пошла ко дну. Я знал, что это Босикадо. Я долго шарил длинной палкой по дну и ничего не нашёл, а дней через пять увидел лапу Найнде... она плыла вниз по реке. Наступит день, когда я растерзаю этого Босикадо. Я встретил его однажды на берегу. Он, как камень, скатился в воду. Перед тем, как нырнуть, он взглянул на меня, и мы посмотрели друг другу в глаза... Я понял тогда, что это Манито, злой дух. Отец мой говорил: "Если Манито беспокоит тебя, убей его!"

Как-то раз, когда я плыл за уткой, он схватил меня за палец на ноге, но я успел выбраться на мелкое место и спасся от него. Я воткнул ему гарпун в спину, но гарпун не был настолько крепок, чтобы удержать его. Однажды он схватил Скукума за хвост, но он выскользнул у него. С тех пор собака не идёт в воду.

Два раза видел я его, как сегодня, и мог бы убить его из ружья, но я хочу бороться с ним один на один. Много раз садился я на берег и пел ему "Песнь труса", и звал его бороться со мной на мелком месте, где мы будем равны с ним. Он не слушает меня, не приходит.

Он, я хорошо знаю, наслал на меня болезнь прошлую зиму – вот и теперь чувствую я на себе его волшебную силу. Но я возьму верх, и мы встретимся с ним когда-нибудь. Он снова навёл на меня страх. *Я на него наведу ещё больше страха и хочу встретиться с ним в воде.*

Прошло, однако, несколько дней прежде, чем они встретились. Рольф отправился за водой к ключу, который находился в десяти футах от берега озера. За это время он приобрёл привычку охотника ходить бесшумно и осторожно и внимательно осматриваться, прежде

чем удалиться от жилья. На тинистой отмели мелководья бухты, в каких-нибудь 50 ярдах от себя, увидел он серовато-зелёный предмет, который оказался огромной черепахой, гревшейся на солнце. Чем больше смотрел он на неё и сравнивал с окружающими предметами, тем чудовищнее казалась она ему. Стараясь не делать ни малейшего шума, поспешил он к Куонебу.

– Грется на солнце... Босикадо... там, на отмели.

Индеец мгновенно вскочил на ноги, взял томагавк и крепкую верёвку. Рольф протянул руку за ружьём, но Куонеб отрицательно покачал головой. Вдвоём отправились они к озеру. Да! Оно было там, это огромное с выпученными глазами чудовище, и лежало словно бревно, окрашенное в грязный цвет. Отмель позади него не имела никакого прикрытия. Приблизиться к чудовищу на такое расстояние, чтобы попасть в него, не было возможности: ему ничего не стоило скрыться в воде. Куонеб не хотел пользоваться ружьём; он чувствовал, что должен бороться с чудовищем лицом к лицу. Он быстро составил план: привязав к поясу томагавк и свернутую в кольцо верёвку, он неслышно скользнул в озеро, намереваясь подкрасться к чудовищу со стороны воды. В данном случае это было самое удобное: во-первых, всё внимание черепахи было направлено к берегу, а во-вторых, в озере находились густые заросли камыша, под прикрытием которых легче было подкрасться к чудовищу.

Рольф по желанию Куонеба отправился в лес и там осторожно пробрался к такому месту, откуда он на расстоянии двадцати ярдов мог наблюдать за черепахой.

Сердце мальчика сильно билось, когда он следил за отважным пловцом и свирепым пресмыкающимся. Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что чудовище весило фунтов сто. Это было одно из самых больших и самых свирепых пресмыкающихся. Несмотря на то, что челюсти у него были беззубые, они были вооружены острыми, режущими зазубринами, которые могли дробить кости. Щит делал его неуязвимым для хищных птиц и зверей. Черепаха лежала на отмели, похожая на бревно; длинный хвост её, как у аллигатора, был вытянут во всю длину, а змеевидная голова и крошечные глазки были внимательно устремлены на землю. Широкий щит её окаймлялся зелёным мхом; к вывороченным наружу подмышкам присосались пиявки, которых с большим рвением клевали две маленькие птички, что доставляло, по видимому, большое удовольствие чудовищу. Огромные лапы и когти представляли разительный контраст с маленькими красными глазками. При взгляде на последние по телу невольно пробежала нервная дрожь.

Держась под водой таким образом, что его почти не было видно, индеец медленно приближался к камышу. Он остановился, как только почувствовал под собою дно, взял в одну руку верёвку, а в другую томагавк и нырнул. На поверхности воды он показался в десяти ярдах от врага, где было не более четырёх футов глубины.

Не прошло и минуты, как пресмыкающееся скользнуло уже в воду и скрылось из виду, ловко увернувшись от верёвочной петли. Куонеб присел низко в воде и схватил чудовище за хвост в то время, когда оно плыло мимо него. Оно не преминуло показать ему свою силу. Могучий хвост в одно мгновение повернулся боком таким образом, что острые шипы его со страшной силой врезались в державшую его руку индейца. Надо было иметь стойкость последнего, чтобы удержать эту острую, как нож, палицу. Индеец выронил томагавк и схватил верёвочную петлю, собираясь накинуть её на голову черепахи, но чудовище быстро уклонилось в сторону, и петля, скользнув по щиту, захватила огромную лапу. Индеец быстро затянул её и связал таким образом себя со своим врагом. Единственное оружие его лежало на дне, а вода кругом сделалась совершенно мутной от поднявшейся снизу грязи. Индеец тем не менее нырнул в воду, надеясь найти свой томагавк. Черепаха в ту же минуту вильнула вдруг в сторону; раненая рука индейца освободилась, но сам он не удержался на ногах. Тогда черепаха, чувствуя, что её лапу что-то держит, бросилась на своего врага с открытым ртом и оскаленными челюстями.

У неё была та же привычка, как и у бульдога: раз она схватила какой-нибудь предмет, она сжимала его челюстями до тех пор, пока не раздавливала. В мутной воде она не могла

ясно рассмотреть предметов, но тем не менее, наткнувшись на левую руку врага, охватила её со всею силой безумного бешенства и отчаяния. В эту самую минуту Куонеб нашёл свой томагавк. Поспешно поднялся он на ноги, вытащив за собой черепаху, повисшую на его руке, изо всей силы размахнулся томагавком, который глубоко врезался в щит чудовища, в самую спину. Результата не получилось никакого, и индеец лишился единственного оружия, так как не мог его вытащить, несмотря на все свои усилия.

Рольф бросился в воду на помощь, но Куонеб крикнул ему:

– Нет... назад!.. Я справлюсь один.

Челюсти чудовища продолжали держать его руку, как в тисках, а когти передних лап двигались взад и вперёд, разрывая одежду индейца. Вода кругом покрылась длинными кровавыми струйками.

Напрасно старался индеец пробраться к мелководному месту и ещё раз попробовал дёрнуть томагавк... тот слегка двинулся с места... он дёрнул ещё раз... ещё и... вытащил его. Он взмахнул им раза два-три, и змееобразная голова отделилась от туловища, которое зашевелило лапами, забило по воде аллигаторским хвостом и двинулось назад. Голова же, судорожно моргая потускневшими красными глазами и обливаясь кровью, продолжала висеть на руке. Индеец двинулся к отмели, разматывая верёвку, державшую лапу чудовища, и привязал её к дереву. Затем он взял нож и попытался надрезать мускулы челюстей, врезавшихся в его руку. Но мускулы были защищены крепкими костями, он же не мог размахнуться как следует и нанести настоящий удар, чтобы окончательно парализовать их. Тогда он изо всей силы стал давить голову и дергать до тех пор, пока судорожное движение мускулов не раскрыло пасти и окровавленная голова не упала на землю. Пасть раскрылась ещё раз, но палка помешала её намерению; крепкие челюсти схватились за неё и замерли навсегда.

Больше часу ещё шевелилось безголовое туловище, словно пыталось ползти к озеру. Друзья могли теперь свободно рассмотреть врага. Они были удивлены не столько величиной его, сколько весом. Несмотря на то, что черепаха была не длиннее четырёх футов, она была так тяжела, что Рольф не мог приподнять её. Куонеб получил несколько порядочных царапин, но не серьёзных, за исключением той глубокой раны, которая была сделана на руке челюстями. Предшественные Скукумом, который с громким лаем бежал вперёд, понесли они тело черепахи к лагерю; страшную голову, всё ещё не выпускавшую палки, украсили перьями и воткнули на шест возле вигвама. И вот слова песни, спетой после этого на утёсе индейцем:

Босикадо, мой враг, был могуществен!
Я пришёл к нему, в его страну,
И навёл на него страх.

Глава 13. Хортон появляется на скале

Лето на Эземуке было в полном разгаре. Певчий дрозд пел уж не так часто, собираясь кончать свои песни; в густой листве кедра собиралось каждый вечер большое общество молодых реполовов, которые неумолчно болтали о чём-то, а на Пайптевском пруду появилось два выводка молодых уток.

Рольф многому научился за время своего пребывания в вигваме. Он знал теперь прекрасно, как надо приладить дымовой клапан, чтобы он действовал при всяком направлении ветра; узнавал по заходу солнца, какая перемена погоды произойдёт в течение ночи; узнавал, не подходя даже к берегу, будет ли небольшой отлив, который принесёт им мало добычи, или большой, который обнажит богатейшие гряды устриц. Опытным пальцам его достаточно было одного прикосновения, чтобы узнать, поймалась ли на крючок черепаха или рыба, а звук тома безошибочно указывал ему на приближение ливня.

Рольф, привыкший давно уже к труду, сделал много улучшений в лагере; так, например, он вычистил и сжёг мусор и негодные остатки, способствовавшие только размножению мух. Он настолько уже привык к лагерной жизни и обстановке, что не считал больше своего пребывания здесь временным. Когда оно кончится, он не знал и не заботился об этом. Он чувствовал только, что никогда ещё не вёл такой приятной жизни. Ладя его счастливо миновала множество порогов и плыла теперь по спокойному течению, не встречая никаких препятствий... Но за ними – увы! – начинался переход к водопаду. Затишье во время войны не всегда означает её окончание; за ним следует новый взрыв, который разражается не так, как думают.

Выборный Хортон пользовался большим уважением своей общины; он был человек добросердечный, здравомыслящий и состоятельный. Он был владельцем всех лесов Эземука и, следовательно, владельцем земли, принадлежавшей когда-то предкам индейца. Рольф и Куонерб работали иногда у Хортона, знали его очень хорошо и любили за его доброту.

Случилось это утром в среду, последнюю в июле месяце. К вигваму у скалы подошёл вдруг Хортон, плотный и чисто выбритый мужчина.

– Добрый день вам, – сказал он и, не теряя времени, перешёл к следующему. – Среди выборных нашей общины идут в настоящее время споры и рассуждения о том, следует ли допускать, чтобы сын христианских родителей, внук духовного лица, оставил своих братьев христиан и вёл дружбу с язычником, чтобы превратиться в такого же варвара, как и он. Я не согласен с теми, которые считают безбожником такого славного малого, как Куонерб, ибо мне известно, что он, несмотря на жалкие понятия свои о Боге, совершает ежедневно нечто вроде молитвы. Тем не менее все выборные, судьи, духовенство, вся община вообще и больше всего общество миссионеров, сильно взволнованы этим обстоятельством. Против меня предъявлено также весьма существенное обвинение в том, что я малоревностный христианин, ибо потворствую нечестивому пребыванию сатаны на моей собственной земле и в моих собственных владениях. Действуя против чувств своих и желаний, являюсь я сюда, как посланный городским Советом, Собором старейшин и Обществом распространения христианства среди язычников. Объявляю тебе, Рольф Киттеринг, что ты, как не имеющий родителей и несовершеннолетний, находишься под опекою прихода, и поэтому решено, что ты должен сделаться членом семьи самого достойного старейшины Иезекииля Пека, дом которого проникнут духом благочестия и истинной веры. Человек этот, несмотря на свою наружную холодность и строгость, пылкий ревнитель религии и, могу сказать, человек известный. Итак, мой милый мальчик, не смотри на меня, как жеребёнок, который в первый раз почувствовал на себе кнут. У тебя будет свой дом, проникнутый духом величайшего благочестия, которое всегда будет пребывать с тобою.

"Как жеребёнок, почувствовавший на себе кнут!" Нет! Рольф походил скорее на подстреленного красного зверя. Вернуться обратно к общине и быть работником – возможно, хотя и

непривлекательно; покинуть Куонеба, когда перед тобой раскрывается лесной мир, – это громовой удар; но променять всё это на благочестивый дом старого Пека, жестокость которого, как известно, выгнала из дому собственных детей его, равносильна соединению всех возможных несчастий, и мысль об этом возмутила Рольфа.

– Я не пойду, – отрезал он, с вызывающим видом обращаясь к толстому и благодушному депутату.

– Полно, Рольф, речь твоя неприлична. Не допускай, чтобы язык твой вовлекал тебя в грех. Исполняется то, чего желала твоя мать. Будь благоразумен; ты скоро поймёшь, что всё делается для твоего блага. Я всегда любил тебя и готов быть твоим другом, можешь рассчитывать на меня. Действуя против данных мне инструкций, но согласно чувствам сердца своего, скажу тебе, что ты можешь не идти и не давать ответа сейчас же... обдумай всё на досуге. Помни только, что до будущего понедельника, и не позже понедельника, тебя ждут у Пека. Боюсь, что в том случае, если ты не явишься, сюда придёт посол, который будет далеко не так дружелюбен с тобою, как я. Будь же добрым мальчиком, Рольф, и помни, что в новом доме своём ты будешь жить во славу Божию.

И толстый чёрный посланник кивнул дружелюбно головой и, видимо, огорчённый чем-то, повернулся и ушёл.

Рольф медленно опустился на камень и уставился на огонь. Куонеб встал и занялся приготовлением обеда. В обыкновения время Рольф всегда помогал ему. Теперь же он ничего не делал и мрачно смотрел на раскалённые угли. Обед поспел через полчаса. Рольф ел мало и затем ушёл в лес один. Куонеб увидел немного погодя, что он лежит на утёсе, смотрит на пруд и бросает туда камешки. Вскоре после этого Куонеб ушёл в Мианос. Вернувшись домой, он нашёл большую поленницу топлива, приготовленной Рольфом. Ни одного слова не было сказано между ними. Выражение мрачной злобы и упорства на лице Рольфа сменилось выражением полного отчаяния. Ни один из них не знал, что думает другой.

Ужин прошёл в полном молчании. Целый час после него курил Куонеб, и оба безмолвно смотрели на огонь. Над головой у них кричала и смеялась сова, заставляя прыгать и лаять собаку, которая почти никогда не обращала внимания на такие звуки. Несколько времени длилось молчание, а затем скрытые до сих пор мысли краснокожего сразу вылились в нескольких словах:

– Рольф, я хочу перебраться в северные леса.

Слова эти поразили Рольфа, который успел за это время убедиться в том, какое значение имела эта долина для Куонеба, свято чтившего память своего народа.

– Покинуть всё это? – спросил Рольф, указывая рукой на утёс, на протоптанную мокасинами дорогу, на равнину, где стоял погибший Питуквепен, и где были могилы истреблённого племени.

Глаза их встретились, и из груди индейца вырвалось одно только единственное слово:

– Да!

И в этом одном слогe, сказанном глухим и упавшим голосом, ясно выразились глубокая привязанность к месту родины и душевная борьба, которая длилась весь день, начиная с того момента, когда появился Хортон со своим приговором, и восторжествовавшая в конце концов дружба. Рольф понял всё, и что-то моментально подступило ему к горлу.

– Я не прочь, если ты действительно хочешь этого.

– Да! Я готов идти... Наступит день, когда я вернусь.

Несколько минут длилось молчание.

– Когда же мы отправимся в путь? – спросил Рольф.

– Завтра ночью, – был ответ.

Глава 14. В северные леса

На следующее утро Куонеб вышел из лагеря, нагруженный тяжёлой кладью, и направился к Мианосу. Никто не нашёл ничего удивительного в том, когда он, войдя в лавку Силы Пека, предложил ему купить пару лыж, связку ловушек и капканов, несколько тарелок из берёзовой коры и липы, том-том и взамен всего этого получил чай, табак, порох и два доллара деньгами. Он ушёл, не говоря ни слова и скоро вернулся в лагерь. Взяв котелок, он отправился с ним в лес и принёс его оттуда с ореховой корой, только что снятой с дерева. Он налил на неё воды и кипятил до тех пор, пока жидкость не приняла ореховый цвет. Когда та остыла, он вылил её на плоское блюдо и сказал Рольфу:

– Поди сюда, я хочу превратить тебя в сайневе.

Он взял мягкую тряпочку, намочил её в этой жидкости и вымазал Рольфу голову, шею и руки. Дальше этого он не хотел идти, но Рольф сказал ему:

– Можешь окрасить всего меня.

Он разделся, и кожа его, покрытая слоем желтовато-коричневой жидкости, приняла блестящий медно-красный цвет; он превратился таким образом в индейского мальчика, в котором никто не мог бы признать Рольфа Киттеринга. Краска скоро высохла. Рольф снова оделся, чувствуя, что он сжёг за собою корабли.

С вигвама сняли две части крыши и сделали из них два тюка с постельными принадлежностями. Томагавки, луки, стрелы и ружьё, а также котелок и съестные припасы они разделили поровну, уложили в тюки, привязав их себе на спину. Всё было готово в путь, но Куонебу оставалось исполнить ещё кое-что. Он направился к утёсу. Рольф знал, зачем он туда идёт, и не пошёл за ним. Индеец зажёл трубку, выпустил четыре клуба дыма по направлению четырёх ветров, начиная с запада, затем сел и сидел несколько времени молча. Вскоре послышалось пение молитвы об удачной охоте:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.